

Виктор Крысов

НЕОТЧУЖДАЕМО
И ПРИНАДЛЕЖИТ
ОТ РОЖДЕНИЯ

Привет прошлому веку

Виктор Крысов

**Неотчуждаемо и принадлежит
от рождения (сборник)**

«Издательские решения»

2015

Крысов В. В.

Неотчуждаемо и принадлежит от рождения (сборник) /
В. В. Крысов — «Издательские решения», 2015

Данный сборник посвящается всем тем прекрасным людям, с кем я провёл последнюю четверть XX века. Он отличается от одноимённого сборника 2000 года тем, что содержит несколько новых стихотворений.

Содержание

«Я вижу жизнь, как видят слова...»	6
Когда возможность лучше обладанья	8
Бог забывает гол	9
Мурманск	10
Энергия стиля	12
«Моя ненужность – горести залог...»	13
«Краткие стихотворения слишком...»	14
«Ты снова уходишь и снова молчишь...»	15
Тысяча первая ночь	17
Мимо	18
Незачем нервничать	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Неотчуждаемо и принадлежит от рождения
Привет прошлому веку
Виктор Владимирович Крысов

© Виктор Владимирович Крысов, 2015

© Наталия Евгеньевна Комарикова, иллюстрации, 2015

Редактор Елена Вильевна Гирфанова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

«Я вижу жизнь, как видят слова...»

В. Максаковскому

Я вижу жизнь, как видят слова
меж знаком и сутью свой смысл,
вникаю, влезаю, и коль голова
пролезла, пройдет и мысль.

Когда у надутых жизнью иных
взять, распустить ремень —
сразу скукожится жизнь, как жмых,
жизнь уместится в жмень.

Такую жизнь – в мешок положить.
Набиты мешки-облака...
Меня толкает в другую жизнь
властная божья рука.

Там духа высокий взлет – изнемог.
Там упряжь упрямых утр
сознание мчит в золотой чертог —
и плачут творцы камасутр.

И снова, и снова вокруг Земли
(а каждый виток – за год!)
и с мудростью, и с искушеньем змеи
движется жизнь вперед.

А правила мир объяснит, когда
принят будешь в игру.
Мир, такой же великий, как Дант,
закончивший свой труд.

Механика всех девяти небес
и публика всех кругов
скрежещет, и ропщет, и жаждет чудес,
и ждет измененья основ.

Но все чудеса – средь безмерных сфер,
средь их громогласных ссор,
смешавших богов всевозможных вер,
сметавших людей, как сор,

поставить будильник на семь утра,
но всё же проснуться в пять,
и плюнув – на счастье! – на кончик пера,

движением управлять.

1998

Когда возможность лучше обладанья

Ты спишь, и значит, снова можно мне
забыть про всё, случившееся с нами,
обидное, неласковое. Не
касаться злого воздуха устами,

лишить себя эмоций, взглядов, слов...
Запоминая состоянье это,
из всех тебе привидевшихся снов
ты выбираешь тот, где нет рассвета.

Безумство действий сладко превозмочь,
когда по обе стороны сознания
два ждущих тела, две судьбы и ночь,
когда возможность лучше обладанья.

1988

Бог забивает гол

С точки зрения воздуха мяч полон, а голова пуста.
Воздух с криком вырывается из голов,
чтобы занять места
получше: внутри мяча, в сетке ворот
или внутри футболиста, открывшего рот.

С точки зрения мяча стоило бы подкачать
головы у людей. Хот бы с голов начать,
а потом и вовсе убрать кость и,
кожей касаясь друг друга,
стать ближе, чем кожа, повысив и тонус, и тургор.

Одна дама считает: футбол – это хоккей,
только без палок и касок,
и слишком уж много людей.
А гольф – это четверть чулок.
По её разумению, смысла
не имеет ни жизнь хоккеиста,
ни жизнь футболиста.

С точки зрения точки зрения,
выразить собственный взгляд
на футбол для любого субъекта вселенной – пустяк.
Но у двух из них насчёт оценки футбола – прокол,
и в этом главный вселенский прикол.

Во-первых, сам футбол
не может себя выразить и отразить,
как света не видит свет
и как море не может плыть.
Второй же субъект,
не ведающий о футболе ничего,
конечно же, Бог.

Бог не знает вообще ни о чём.
Футбол? Хоккей? Вселенная?
Бог пожимает плечом.
Но хотя Бог не ведаёт, что же такое футбол,
он всегда забивает гол.

1999

Мурманск

*Наш образ жизни однообразен
так, что приводит к простому итогу:
этой весной будет много грязи
и очень мало подарков от Бога.*

Будет много шума и мало соприкосновений
наших губ, похожих на мягкую веточку вербы.
И от всех разумных советов и наставлений
мы уедем в город, где ночью взрывается небо.

Едем в город Мурманск;
здесь я ни разу не был.
Если будет грустно,
ночью зажжётся небо.

Кроме Мурманска,
я не знаю других городов,
где от переплетения чувств зажигается небо,
где люди живут для того,
чтобы ночью светилося небо.

Мягкой волной уставшей
море тебя качает.
Песня звезды упавшей,
эхо летящих чаек.

Что-то вода лопочет,
звезды нас ловят в невод...
Если ты захочешь,
будет светиться небо.

Кроме Мурманска,
я не знаю других городов,
где бы море и небо, в своем постоянном общении
касясь, узнали любовь
и рождали в любви свеченье.

Машем белым чайкам,
корку швыряем хлеба.
Словно нас встречая,
снова зажжётся небо.

В море рубль последний,
только мы не вернёмся,
больше не будет денег,

вряд ли мы перебьёмся.

Жёсткий плацкарт оплачен.
Споры и злость нелепы.
Если ты заплачешь,
будет светиться небо.

1990

Энергия стиля

Я выживаю за счёт стиля.
Жизнь за счёт энергии стиля,
за счёт энергии стиля, что скрыта,
что скрыта в порядке движений буги,
в двенадцати тактах блюза, в фуги
рипостах, стретто, в бостоне или
же в рок-н-ролла ходах избитых:
энергия крестьянских будней,
молитвы, пляски, шаманский бубен,
энергия штормов и штилей.
Добудь её – просто играй, как учили.

Я выживаю за счёт стиля.
Жизнь за счёт энергии стиля,
за счёт энергии стиля, что скрыта,
что скрыта в рифмовке ритмичных строчек.
Пусть каждый что-то придумать хочет,
но люди лелеяли, люди растили
стихи, размеры... Творцы забыты,
но их энергия рокошет
в сонетах, одах, поэмах... Впрочем,
уже подсказал вам, коль просили,
как выжить за счёт энергетике стиля.

Я выживаю за счёт стиля.
Жизнь за счёт энергии стиля,
за счёт энергии стиля, что скрыта,
что скрыта в любом обращении к основам,
в любом повторении ритма, в новом
прочтении... – и в извращеньи! – шутили
два мёртвых и очень циничных джазиста.
Они примером внеземного
за счёт рэгтайма и босса-новы
живут прекрасно, как раньше жили,
питаюсь энергией, спрятанной в стиле.

1997

«Моя ненужность – горести залог...»

Моя ненужность – горести залог,
но в этом есть своё очарование.
Не надо беспокоиться, что бог
узнает о моём существовании.

Я не причастен к дому и стране,
я двигаюсь по собственной орбите,
и если вы нуждаетесь во мне,
то к небу напрямую обратитесь.

Привык, что есть любовь и есть бардак,
невольно ко всему я привыкаю.
Возникнув в этом мире просто так,
его я так же просто оставляю.

Но нет, я не исчезну в сонме снов,
я буду далеко и буду рядом —
я буду жить среди других миров,
лежащих за моим усталым взглядом.

За чёрной червоточинкой зрачков
уже не три – четыре измерения:
названий время, высота слогов,
длина, а также глубина мышления.

1994

«Краткие стихотворения слишком...»

Краткие стихотворения слишком
часто грешат нездоровым излишком
сжатости смысла (но при недостатке
места), сгущённости смысла, что сладким
валиком катится вниз по краям
текста, и слизывать все это – нам.

Краткие стихотворения! Жаль, что
им не дано ощущение счастья
власть развалиться, раскинувши руки,
в море баллад, в описаниях гулких,
долгих, просторных ... Но краткость – сестра
сложит пространство, как простынь с утра.

1996

«Ты снова уходишь и снова молчишь...»

Ты снова уходишь и снова молчишь.
Я снова взбешён и несдержан —
сюжет стал обычным (меняются лишь
места, время года, одежда):

ты, бросив с порога, мол, всё, уйду,
традиции дань оставляешь,
жестокое слово, подобно ножу,
как часть ритуала вонзаешь.

Я тоже обычай наш свято блюду:
ругаюсь, кричу, разбиваю,
мучения грешника в жарком аду
собою надолго являю...

Но нынешний день примечателен тем,
что с запада рваные тучи
заставят забросить решенье проблем —
как жить, что же будет, с кем лучше...

Меня не волнует, куда ты пойдёшь,
я мысль направляю продольно
прозрачным колоннам с названием «дождь»,
стоящим вокруг произвольно.

И ты не заботишься, что я не так
пойму эту нервную сцену,
ведь ты для меня словно с неба вода —
внезапна, обычна, бесценна.

Промокнув, бездумно по лужам бродя,
безвольно гонимая ветром,
становишься странным подобьем дождя —
спокойной, простой, безответной,

совсем равнодушной к нелепостям дня —
как будто бы снова родишься...
Увидев на мокрой дороге меня,
ты, в общем-то, не удивишься.

А наши разборки – кто прав, кто не прав —
мы так не закончили толком,
мы с тем же раскладом остались в руках,
мудрей и влюбленнее только.

1994

Тысяча первая ночь

Тот, который пел по утрам, оказался совсем не петух, а кочет,
и обманутое разбуженное солнце шумно вставало, настоящего
петуха при этом будя.

Женщина, состоящая из тысячи разлук,
вряд ли станет участницей тысяча первой ночи,
я же с луной не усну – одеяло прилива я буду тянуть и тянуть
на себя.

С кем и где я провел первую, десятую, сотую ночь? Биограф
поплатится жизнью

за то, что не каждый мой шаг
стал сюжетом для сказок и прочего вранья.

Подгадав, женщина появилась как раз
к тысяче первому занятию онанизмом.

Кажется, для тысяча первой ночи
ни сил, ни желаний, ни времени
не останется у меня.

Тысяча первая ночь грядёт!
но любой из являющихся на горизонте мне ничем не обязан,
даже солнце, тем более что оно злится
то ли на кочета, то ли на петуха.

В тысяча первую ночь я расскажу вам
свою лучшую сказку о том, как в экстазе
женщина становится ночью
и кружится вокруг Земли,
прячась от солнца моего греха.

1999

Мимо

Мимо проходит возможность
взяться всерьёз за язык,
особенно **за** два – просто летит!
Впрочем, можно отставить, учесть,
оставить как есть.

Если она изначально —
вполне самоцель,
если она случилась уже,
ужель
это расстроит,
что мимо проходят
деньги, в количествах просто
страшных, куда-то мигрируют, вроде
на юг – по их птичьей природе.

Если тебе её дали,
тебя не спросив,
если ты просто выгнан пастись —
прости,
не досадуй,
что мимо проходят
девушки, женщины... Ладно,
если б одна – как картинок в колоде!
И больше, и разных,
по несколько сразу,
грустя, улыбаясь,
вдали оставаясь,
кому-то даваясь...
Дались они мне
все.

Если с тобой разведённой
не будет она,
но воронёна и разведена,
то **на!**,
на тебе – словно
пила, криво входит
в плотные судьбы, неровно
делит, выводит основу стихов, где
следуя ритму – туда-сюда,
вяло болтаются: смерть, беда,
счастье, экстаз, размышления, что
мимо проходят: Платон, Арто,
друзья, стезя поэта (и где-то

артиста), неистовых чувств смерч, уст
мёд, Оптина Пустынь, лобстеры, Пруст
на французском, «Улисс» на английском,
прыжки с парашютом (со свистом!)
и – с хрустом – катанье на лыжах,
квартира в Париже. Поближе?
Ну, в Питере.
Видите,
всё проходит,
я на взводе —
лежу, слежу, твержу плаксиво:
Возможности проходят мимо.
Возможность учиться водить машину,
возможность башку прострелить кретину,
возможность работать за суперденьги,
возможность буяннить не хуже Стеньки.
Возможность уехать, возможность остаться —
гадство!
Желания тоже мигрируют мимо:
желание славы, желанье поживы,
желание помнить, желанье дерзать,
желанье творить и желанье летать,
желанье желать! Иже с ними – жевать,
жалеть, журить, курить, дурить, дарить,
даже жить! Желания есть и спать...
О, нет, эти, впрочем, вернуться опять.
Опять и опять.

1996

Незачем нервничать

Огорошивший гром дробью крыл, городил
ерунду, а мой ум утомлённый бродил.
Переброженный дрожью, рожал пузыри,
обнаружил в рогоже слежавшийся ритм.

Простодушный маньяк клавишных ног,
исполнитель хлопков парусиновых ног,
отлипающий с чавканьем мокрый нейлон.
Я его наконец узнаю – это он.

Попустительствуя словоблудству порой,
я зову его пугалом и пустельгой,
Пульчинеллой, пучком, пузырьём, пустяком —
пусть он мне пробубнит своё имя потом.

Словно скороговорку лепечет он мне,
чтобы я повторял. Это, собственно, не
для того ли, чтоб в горле тот говор, что вне?
Меня в букв буреломе спасёт буриме.

Чередую чернила с едой, не молчу —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.